

На правах рукописи

Ворончихина Ирина Алексеевна

**ЯЗЫКОВАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ КОНЦЕПТОСФЕРЫ ДЕТСКОГО
ДЕТЕКТИВА
(на материале русскоязычных и англоязычных произведений)**

Специальность: 5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-
сопоставительная лингвистика

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Санкт-Петербург

2026

Работа выполнена на кафедре перевода федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена».

Научный руководитель:

доктор филологических наук, доцент, заведующая кафедрой английского языка и лингвострановедения федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена»

Чемодурова Зинаида Марковна

Официальные оппоненты:

доктор филологических наук, доцент, профессор Высшей школы лингвистики федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Балтийский федеральный университет им. И. Канта»

Коннова Мария Николаевна

кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры английской филологии и лингвокультурологии федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Санкт-Петербургский государственный университет»

Петухова Татьяна Ивановна

Ведущая организация:

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ» им. В.И. Ульянова (Ленина)

Защита состоится «16» июня 2026 года в 16:00 на заседании Совета по защите диссертаций на соискание учёной степени кандидата наук, на соискание учёной степени доктора наук 33.2.018.08, созданного на базе Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена, по адресу: 199053, г. Санкт-Петербург, 1-ая линия В.О., д. 52, ауд. 48.

С диссертацией можно ознакомиться в фундаментальной библиотеке Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена (191186, г. Санкт-Петербург, наб. р. Мойки, 48, корп. 5) и на сайте университета по адресу: https://disser.herzen.spb.ru/Preview/Karta/karta_000001239.html

Автореферат разослан « » _____ 2026 г.

Учёный секретарь
диссертационного совета

Камшилова Ольга Николаевна

Общая характеристика работы

Настоящее исследование посвящено изучению способов языковой репрезентации концептов детективного нарратива в детской литературе на материале английских и русских произведений.

Выбор темы исследования обусловлен как неугасающей популярностью детективного жанра среди юной аудитории читателей, так и обширным использованием методов когнитивного моделирования для изучения семантического пространства художественного текста и понимания его глубинного смысла, выраженного ключевыми концептами.

Однако, несмотря на обилие исследований детектива в целом и более чем столетнюю историю своего собственного существования, детский детектив остается малоизученным жанром, чьи лингвистические параметры практически не рассматривались и не систематизировались. В данной работе осуществлена попытка выявить инвариантные и факультативные признаки русскоязычных и англоязычных детских детективов, которые демонстрируют достаточную и системную регулярность, и позволяют смоделировать прототипический вариант концептосферы жанра.

Актуальность исследования определяется востребованностью исследований различных типов текстов посредством концептуального анализа в современной лингвистике, поскольку моделирование концептов способствует формированию всестороннего представления о семантической организации текста; интересом к представлению концептосфер художественных текстов, так как они являются многокомпонентным образованием, включающим в себя как элементы индивидуально-авторской, так и национальной картины мира; важностью изучения художественного текста, предназначенного для читателя-ребенка ввиду его влияния на формирование когнитивной картины мира подростка. Кроме того, сопоставительный характер данной работы позволяет выявить общие лингвосемантические характеристики для детективного нарратива в детской литературе, что вносит вклад в развитие научного знания об исследуемом жанре на фоне его малой изученности в отечественном языкознании.

Степень разработанности темы исследования. Среди отечественных исследований существует немало работ, в которых детектив изучался с позиций когнитивной лингвистики: Р.Р. Теплых (2007), где автор моделирует различные концептосферы текстов детективов, Т.Г. Ватолиной (2011) об определении когнитивной модели детективного дискурса как модели специфического художественного мира, где сосуществуют мир действительный и мир кажущийся, И.А. Дудиной (2008), где также говорится о существовании двух когнитивных моделей, Ю.И. Шевяковой (2012) о картировании когнитивного пространства детектива и выявлении пропозициональных моделей деятельности персонажей детективного дискурса и их социального взаимодействия. В диссертациях С.В. Лескова (2005), Н.Ю. Филистовой (2007), а также в монографии Л.П. Варениной (2014) предприняты попытки фреймового моделирования детективного текста, что подтверждает

результативность выбранного инструмента исследования концептосферы детективного жанра в детской литературе. Однако, помимо перечисленных выше работ, стоит отметить и другие лингвистические исследования, посвященные детективу и его разновидностям: исследование интертекстуальных включений в пейзажных описаниях полицейского детектива (Байко, 2019), изучение художественной детали как элемента художественного образа для выделения текстотипологических особенностей аналитического, жесткого и шпионского детективов (Варлакова, 2012), анализ особенностей функционирования прецедентных феноменов в детективном дискурсе (Завьялова, 2014), исследование особенностей реализации категории игровой модальности в постмодернистском детективе (Чемодурова, 2017) и др.

Работы о детективе в области нарратологии и литературоведения также представлены широким спектром как у отечественных ученых, так и у их зарубежных коллег (Адамов, 1980; Анцыферова, 1994, 2015; Банникова, 1995, 2002; Вольский, 2006; Вулис, 1984, 1986; Гозенпуд, 1967; Кестхейи, 1989; Кириленко, 2016; Клугер, 2005; Маркулан, 1975; Мельничук, 2006; Моисеев, 2017; Остин Фримен, 1990; Скребцова, 2012, 2013; Филюшкина, 2012; Шкловский, 1929; Эко, 2005; Allan, 2020; Gulddal, 2020; Gregoriou, 2007; Nickerson, 2010; Rzepka, 2010; Scaggs, 2005; Todorov, 1977; Worthington, 2011 и др.).

Цель данной работы – моделирование прототипической концептосферы детского детектива путем выявления, систематизации и сопоставления способов репрезентации входящих в ее состав концептов в англоязычных и русскоязычных детских детективах.

Достижение обозначенной цели исследования предполагает решение следующих **задач**:

- 1) рассмотреть общие характеристики детективного жанра, установить основные аспекты научного описания детектива в лингвистике и нарратологии;
- 2) изучить особенности возникновения и развития жанра детского детектива, описать его основные признаки;
- 3) выделить инвариантные концепты, входящие в состав прототипической концептосферы детского детектива на русском и английском языках;
- 4) построить фреймовые модели выделенных инвариантных концептов и описать способы их языковой репрезентации;
- 5) провести сравнительный анализ получившихся фреймов для выявления сходств и различий семантического пространства детского англоязычного и русскоязычного детектива.

Объектом исследования выступает концептосфера детского детектива, репрезентируемая в англоязычных и русскоязычных произведениях данного жанра.

Предметом исследования являются языковые средства репрезентации концептосферы детского детектива.

В основу работы положена следующая **гипотеза**: концептосфера детского детектива включает в себя концепты, инвариантные в целом для детективного жанра, при этом их языковая реализация учитывает фактор адресованности

детской аудитории, а также концепты, инвариантные исключительно для детского детектива.

Научная новизна настоящей диссертации заключается в том, что в ней впервые предлагается определение подросткового варианта детского детектива, впервые рассматриваются инвариантные концепты такого вида детектива и способы их репрезентации, впервые выводится прототипическая для данного жанра концептосфера.

Методологическую и теоретическую базу данного исследования составляют научные труды отечественных и зарубежных ученых по детской литературе: И.Н. Арзамасцева, Е.В. Белоглазова, Е.В. Гетманская, М.И. Мещерякова, О.В. Тихонова, J. Rose, R. McGillis и др.; теории детского детектива: М.С. Костюхина, Е.П. Панова, Е.В. Тюменцева, О.Н. Челюканова, A. Boesky, K. Coats, C. Cullingford, K. McGee, J. Nixon, Ch. Routledge, D. Rudd, D. Thacker, J. Webb, H. Worthington и др.; теории текста: И.Р. Гальперин, Е.А. Гончарова, З.М. Чемодурова, В.Е. Чернявская, И.П. Шишкина, И.А. Щирова, М.А.К. Halliday и др.; когнитивной лингвистике и концептологии: С.А. Аскольдов-Алексеев, А.П. Бабушкин, Л.Н. Беляева, Е.Г. Беляевская, Н.Н. Болдырев, В.И. Карасик, Е.С. Кубрякова, В.А. Маслова, М.В. Никитин, З.Д. Попова, И.А. Стернин, Ch. Fillmore, L.W. Langacker, M. Minsky, P. Stockwell и др.

В качестве **материала** исследования были отобраны 23 текста детских детективов отечественных авторов, среди которых А.Д. Иванов, А.В. Устинова, Е.Н. Вильмонт, Н.А. Кузнецова, В.М. Роньшин, В.М. Сотников, М.В. Елькина, А. Преображенский, А.Н. Рыбаков. Общий объем произведений – 4921 страниц, а также 20 англоязычных детективных повестей для детей (объем 4885 страниц), которые представлены работами Э. Блайтон, Э. Родда, Р. Артура, Р.А. Спратт, Р. Стивенс, А. Брэдли, К. Мак Манус, Л. Чайлд, Л. Джонс, Ф. В. Диксона и др.

Методы исследования. Для решения обозначенных выше задач в работе применяется комплексная методика, включающая метод сплошной выборки, метод контекстуального анализа, метод концептуального анализа, метод когнитивного моделирования, метод фреймового анализа и сравнительно-сопоставительный метод.

На защиту выносятся следующие **положения**:

1. Детский детектив является особым типом текста детективной литературы, адаптированным под интересы и особенности детской читательской аудитории, выступающей его адресатом. Сохраняя инвариантную для жанра сюжетную структуру *преступление – расследование – разоблачение*, детский детектив отличает своеобразная актуализация некоторых узловых элементов и концептуальных доминант. Так, введение ребенка/группы детей в роли сыщиков детерминирует его как детский вариант. К специфическим характеристикам детского детектива также относится симбиоз рационального и игрового методов при ведении расследования, смещение фокуса повествования с действий, ведущих к раскрытию преступления, на приключенческую

составляющую расследования, наличие дидактической функции детективного нарратива и многоаспектное изображение мира ребенка.

2. Прототипическая концептосфера детского детектива определяется схожестью концептуальной конфигурации сопоставляемых русскоязычных и англоязычных детективов для детей. Тожественность приядерных элементов всех фреймовых моделей свидетельствует о типологической универсальности концептов в детективных текстах для юного читателя. Обособление субфреймов «Обращение за помощь ко взрослым» и «Arrival of the police» объясняется устоявшейся литературной традицией: в англоязычных детских детективах поимка преступника происходит на глазах у юных сыщиков, а в отечественных произведениях – остается за кадром.

3. Модели фреймов «Преступление» и «Crime» представлены в русском и английском варианте детского детектива единообразно на уровне приядерных элементов – субфреймов: «Информация о преступлении – Information about the crime», «Время и место преступления – Time and place of the crime», «Жертва – Victim», «Способ совершения преступления – Method of committing the crime», а также имеют схожий набор периферийных компонентов. К вариативным составляющим относятся слот «Обращение за помощью родных/друзей» в отечественных детективах и слот «Finding a dying person or a corpse», обособляющийся в англоязычном дискурсе.

4. Модели фреймов «Расследование» и «Investigation» включают в свой состав следующие субфреймы, присущие и русскоязычному, и англоязычному дискурсу: «Подозреваемые – Suspects», «Улики – Clues», «Осмотр места преступления – Crime scene examination», «Слежка – Chasing». К дистинктивным компонентам фреймов относятся слоты «Вещественные улики» в детских детективах на русском языке и «Unusual patterns» в англоязычных произведениях.

5. Фреймовые модели концептов «РАЗОБЛАЧЕНИЕ» и «EXPOSURE» различаются на уровне приядерных компонентов, и, помимо тождественных субфреймов «Раскрытие личности преступника – The criminal's identity exposure», «Мотив преступления – Motive for the crime» и «Признание заслуг сыщика – Recognition of the merits», выделяются субфреймы «Обращение за помощь ко взрослым» и «Arrival of the police».

6. Типологически маркированные концепты детского детектива «РЕБЕНОК-СЫЩИК» и «CHILD DETECTIVE» представляют собой наиболее разветвленную сеть субординатных элементов. В составе субфреймов «Ребенок» и «Child» представлены слоты, репрезентирующие внешность и возраст подростка, а также описывающие его окружающий мир вне основной линии расследования. Субфреймы «Сыщик» и «Detective» разделяются на слоты, в фокусе которых детективная деятельность юного сыщика.

Теоретическая значимость данного исследования заключается в том, что описание и сопоставление концептосферы текстов детского детектива, написанных на разных языках, позволяют систематизировать и конкретизировать основные содержательные характеристики и закономерности, присущие жанру. Кроме того, диссертационная работа способствует

пополнению научного знания в области лингвокогнитивных исследований детской литературы, а также индуцирует дальнейшую разработку вопроса о внутренней жанровой классификации и определении параметров и критериев дифференциации различных типов детективных жанров и жанров литературы для детей и подростков, внося вклад в дальнейшее развитие текстотипологических исследований.

Практическая значимость исследования состоит в том, что его результаты могут быть использованы для дальнейшего изучения феномена детской детективной литературы и жанра детектива, а также могут быть учтены в лекционных курсах, семинарах и практических занятиях по когнитивной лингвистике, лексикологии, сопоставительной лингвистике.

Апробация работы. По материалам диссертационного исследования было опубликовано 8 научных работ, в том числе 4 из них в изданиях из перечня ВАК РФ. Результаты работы были представлены на Всероссийской научной конференции «Язык и культура в эпоху глобализации» (октябрь 2020), на международных научных конференциях «Герценовские чтения» (апрель 2020, апрель 2022, апрель 2023), на научной конференции «Лингвистика и лингводидактика: системные изменения в эпоху полилингвизма и полимодальности» (сентябрь 2022), на Всероссийской научной конференции «Язык – Текст – Дискурс: когнитивные и функционально-лингвистические исследования» (ноябрь 2025).

Объем и структура диссертационного исследования. Содержание диссертации изложено на 216 страницах и включает в себя введение, две главы, сопровождающиеся выводами, заключение, библиографический список используемой литературы (156 источников, из них 34 на иностранных языках), список справочной литературы (13 источников), список источников языкового материала (43 источника).

Основное содержание работы

Во **введении** обосновываются актуальность темы и научная новизна проведенного исследования, определяются цель и задачи диссертации, представляются методы исследования, формулируются положения, выносимые на защиту, аргументируются теоретическая и практическая значимость работы и описывается ее структура.

В первой главе «**Детский детектив как объект исследования в языкознании**» особое внимание уделяется истории возникновения и развития детективного жанра в детской литературе и выявлению его основных характеристик. Помимо этого, освещается общая история детективного жанра, приводится краткий анализ исследований по изучению текстуальности на материале детективного текста, рассматривается понятие детской литературы.

В качестве инвариантных особенностей сюжетной структуры детектива выделяют три основных последовательных элемента (преступление – расследование – разоблачение преступника) и устойчивую систему главных персонажей (жертва, преступник, сыщик) [Анцыферова, 1994; Бавин, 1991; Вулис, 1984; Гозенпуд, 1967; Жиркова, 2018; Кестхейи, 1989; Лотман, 1995; Норец, 2015; Марусенко, 2013; Скребцова, 2012, 2013; Фримен, 1990; Cawelti,

1976; Todorov, 1977 и др.]. Данные сюжетные компоненты являются неотъемлемым свойством всех разновидностей детективного текста. Что касается работ лингвистической направленности, то здесь исследователи обращаются к содержанию и лексико-семантическому наполнению детективов, где повторяемость используемых лексических средств позволяет определять детектив как отдельный тип текста.

Поскольку выбор сыщика в детективе определяет жанровую принадлежность произведения (Кириленко, 2016), то корпус произведений, когда в качестве главного героя – сыщика – выступает ребенок или группа детей, определяется как *детский детектив*. На основе теоретических работ отечественных и зарубежных исследователей в рамках данного исследования мы понимаем детский детектив как *самостоятельный жанр детективной литературы, адаптированный под требования и особенности литературы для детей, где в роли сыщика выступает ребенок или группа детей подросткового возраста, которые проводят расследование какого-либо преступления и, при помощи рациональных методов, разоблачают преступника*.

Помимо основного дифференциального признака – ребенка в роли сыщика, детский детектив обладает рядом других характеристик, которые позволяют говорить о нем как о самостоятельном жанре в системе криминальной литературы. К таким особенностям относится смешение рациональных способов ведения расследования с игровым, непосредственно детским, подходом, смещение фокуса на приключенческую составляющую расследования, четкое разграничение линий добра и зла как проявление дидактической функции детской литературы, а также детальное изображение «детского мира», который окружает ребенка.

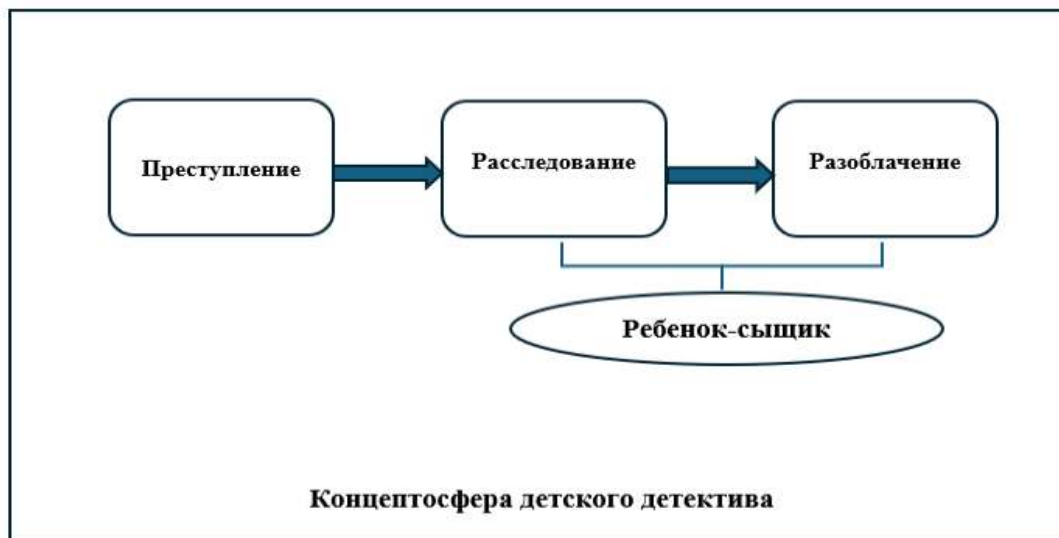
Во второй главе «**Концептуальное пространство детского детектива и способы его представления в русскоязычных и англоязычных произведениях**» приводятся определения таких понятий как концепт и концептосфера, описывается метод лингвокогнитивного моделирования посредством формирования фреймо-слотовых моделей, репрезентирующих концепты детского детектива. На заключительном этапе проводится сопоставительный анализ каждого элемента фреймов, входящих в состав русскоязычных и англоязычных концептов.

Исследования концептуальной организации текстового пространства основаны на «семантическом выводе ее компонентов из совокупности языковых единиц, раскрывающих одну тему» (Бабенко, 2004) и подразумевают выявление базового концепта/концептов и их интерпретацию.

В ходе настоящего исследования было выявлено, что концептосфера детского детектива включает в себя *совокупность таких концептов сюжетной линии как ПРЕСТУПЛЕНИЕ, РАССЛЕДОВАНИЕ и РАЗОБЛАЧЕНИЕ, являющихся инвариантными для детективного жанра в общем, а также концепта РЕБЕНОК-СЫЩИК – типологически инвариантного для детского детектива*.

На схеме ниже концептосфера детского детектива изображена графически и представляет собой последовательность универсальных для детектива

концептов согласно их очередности в произведениях, а также введение концепта «РЕБЕНОК-СЫЩИК» на этапе начала расследования и до финального разоблачения:

В ходе анализа концептосферы детского детектива каждый из обозначенных концептов был смоделирован в виде фрейма. В настоящей работе фрейм рассматривается с позиции фреймовой семантики Ч. Филлмора и определяется как «группа слов, связанных таким образом, что для понимания каждого из них необходимо понять всю структуру, к которой данное слово принадлежит» (Fillmore, 2006). Каждый фрейм как в русскоязычном, так и в англоязычном дискурсе детского детектива представляет собой сложную иерархическую сеть взаимодействующих элементов. Информация, репрезентирующая концепт, формирует ядерные и периферийные элементы фрейма. К ядерным относятся субфреймы, представляющие собой наиболее частотные компоненты рассматриваемых концептов и считающиеся устойчивыми составными частями фрейма. Периферийные узлы фрейма – слоты – в свою очередь не являются фиксированными, вариативны по своему содержанию и имеют подвижные границы.

Результаты сравнительного анализа исследуемых фреймо-слотовых структур концептов «ПРЕСТУПЛЕНИЕ/ CRIME», «РАССЛЕДОВАНИЕ/ INVESTIGATION», «РАЗОБЛАЧЕНИЕ/ EXPOSURE» и «РЕБЕНОК-СЫЩИК/ CHILD DETECTIVE» в русскоязычных и англоязычных детских детективах обобщены в таблице, расположенной на страницах 179-184 диссертационной работы. Ниже приводится фрагмент данной таблицы:

Сравнительная характеристика фреймовых моделей концептов русскоязычных и англоязычных детских детективов (фрагмент)

Концепт

«ПРЕСТУПЛЕНИЕ/ CRIME»			
Субфрейм	Дифференциальные признаки (русскоязычные ДД)	Дифференциальные признаки (англоязычные ДД)	Общие признаки
«Информация о преступлении/ Information about the crime»	<ul style="list-style-type: none"> – наличие слота «Обращение за помощью родных/друзей», когда в качестве стимула к началу расследования выступает желание помочь близким – широкое использование сленга при обсуждении преступления, среди которого можно выделить такие тематические группы как способ совершения преступления, предмет преступления, преступный мир 	<ul style="list-style-type: none"> – наличие слота «Finding a dying person or a corpse», где в качестве смыслообразующего компонента выступает эмоция шока 	<p>Наличие слотов «Внезапное выявление факта преступления/ Sudden discovery of the crime» и «Мистика/ Mysticism»:</p> <ul style="list-style-type: none"> – при репрезентации первого слота характерно использование перцептивных глаголов вкупе с наречиями, означающими внезапность; – лексическое наполнение слота «Мистика» сфокусировано на создании пугающей атмосферы, связанной с каким-либо необъяснимым явлением
«Время и место преступления/ Time and place of the crime»	<ul style="list-style-type: none"> – в качестве места действия чаще выступают реальные города с их существующей топонимикой (14 произведений) 	<ul style="list-style-type: none"> – в качестве места действия чаще выступают вымышленные локации, поскольку их проще наделить необходимыми автору функциональными свойствами 	<ul style="list-style-type: none"> – вымышленные локации наделяются элементами, позволяющими воссоздать образ реально существующего места, знакомого читателю пространства – временной компонент слота передается посредством ЛЕ с темпоральным значением
«Жертва/ Victim»	<ul style="list-style-type: none"> – выделение причин, по которым люди стали жертвами преступников – при обнаружении жертвы нападения вводится скорое подтверждение того, что пострадавший жив – если произошло 	<ul style="list-style-type: none"> – вариативное изображение убитого: от схематичного положения тела до сверхточных описаний трупа 	<ul style="list-style-type: none"> – краткое представление жертвы, с минимальным представлением сведений о его/ее личностных характеристиках – изображение в качестве жертв лиц пожилого возраста ввиду их неспособности

	убийство и жертва мертва, обращение к стилю милицейского протокола, избегая детального описания трупа		противостоять преступникам
«Способ совершения преступления/ Method of committing the crime»	– выделение двух слотов: «Разъяснение взрослого/ сотрудника милиции» и «Разъяснение юного сыщика», по причине их различия в лексической и синтаксической организации. Для первого слота характерно употребление профессиональной лексики сотрудников милиции, для второго слота – использование частиц и междометий, а также эмоциональная окраска речи	– большое количество акциональных глаголов: со значением однократного действия, либо описывающих резкие движения с целью воздействия на кого-либо	– как правило, субфрейм представлен в конце повести, после раскрытия личности преступника и представлен в виде детального изображения произошедшего

Согласно анализу отечественных детских детективов, в состав фрейма «Преступление» входят субфреймы: «Информация о преступлении», «Время и место преступления», «Жертва» и «Способ совершения преступления». В состав фрейма «Crime» входят следующие субфреймы: «Information about the crime», «Time and place of the crime», «Victim», «Method of committing the crime». Таким образом, на уровне субфреймов, являющихся ядерными элементами фрейма, концепт ПРЕСТУПЛЕНИЕ представлен единообразно как в русскоязычном, так и в англоязычном детективном нарративе для детей, что свидетельствует о жанровой универсальности концепта.

При обращении к периферийным элементам отмечается наличие общих слотов «Внезапное выявление факта преступления/ Sudden discovery of the crime» и «Мистика/ Mysticism», входящих в состав субфрейма «Информация о преступлении» и коррелирующего с ним субфрейма «Information about the crime».

Как правило, юные сыщики узнают о преступлении совершенно случайно. Эффект внезапности обнаружения для читателя создается при помощи фраз с употреблением наречия *вдруг* и перцептивных глаголов (*увидел, услышал*) в русскоязычных произведениях и аналогично, используя наречие с семантикой внезапности *suddenly* и также перцептивные глаголы, в англоязычных детских детективах:

Он **вдруг** увидел, как к мусоропроводной камере ближайшего подъезда подошли двое вполне прилично одетых мужчин и стали возиться с замком. Интересно, что им там ночью понадобилось? <...> – Подозрительно что-то... «Давай поближе подберемся, может, что и услышим! Мне это не нравится!» [Секрет драгоценного мусора, 2013: 26].

He suddenly heard a noise down the lane, and saw the headlights of a car. It was coming very slowly. Jack was surprised. The lane led nowhere at all. Was the car lost? [The Secret Seven, 2013: 33].

В случае мистического начала детского детектива – слоты «Мистика» и «Mysticism» – юный сыщик сталкивается с необъяснимым явлением и начинает рассматривать факт совершения преступления потусторонними силами, что передается соответствующими лексемами (*дух Куделина, half-man, half-beast*):

Дверь жутко и пронзительно заскрипела в ночной тиши, медленно, словно нехотя, растворилась. Тусклое сияние вырвалось наружу. И в этом сиянии черной огромной глыбой, заполнивший почти весь проем, предстал перед нами Куделин! <...> Не чуя ног, мы бросились кто куда. Жуткий, леденящий душу мертвецкий хохот молотом ударил нам в спины. Это хохотал дух Куделина! [Охота за приведениями, 2010: 38-39].

She turned to see an older boy stumble out of the bushes. His face was white and his eyes were wide with shock. – I just saw it... – panted the boy, struggling to catch his breath. – Down by the swamp. It was half-man, half-beast. It was horrible [Friday Barnes Girl Detective, 2014: 50].

К специфическим слотам, которые обособляются только в одном из рассматриваемых языков, относятся «Обращение за помощью родных/друзей» и «Finding a dying person or a corpse». Данное различие обусловлено выбором вида преступления: в детективных произведениях на русском языке авторы чаще всего обращаются к преступлениям против собственности (кража, ограбление, мошенничество), в то время как зарубежные писатели в равной степени описывают как кражи, так и убийства.

Субфреймы «Время и место преступления» и «Time and place of the crime» характеризуются детальным описанием как вымышленных, так и реально существующих локаций, элементы которых позволяют воссоздать образ знакомого читателю пространства. Здесь отмечается обилие топонимической лексики и качественных прилагательных с параметрическим значением:

Подмосковный поселок Красные Горы, в котором, кстати, не было ни одной горы, существовал с середины тридцатых годов. Огромные двух- и трехэтажные дачи, стоящие на необъятных участках. Множество улиц, переулков, тупичков [Тайна украденной рукописи, 2000: 17].

I rounded the corner at the Nationwide Bank, and the light from the ATM booth was shining out into the street. There was no one around <...> About a block farther on, the streetlights were out. Only lights from the houses kept the street from total darkness. Home was near, only about a five-minute walk if I took the shortcut through Memorial Park or fifteen minutes if I kept to the street and took the long way around [The sorcerer's apprentice, 2005: 140].

Временной слот передается посредством лексических единиц с темпоральным значением:

Он глянул на часы. **Четыре**. И совсем еще темно. Он тихонько встал, надел шлепанцы и вышел на балкон. **Ночь была теплая, даже душная** <...> И вдруг ночную тишину прорезал жуткий крик [Крик в ночи, 2000: 25].

– *That means that Miss Bell must have been killed sometime between four fifteen – after all, one of those seventh-graders would have noticed the body if it was there during dance – and five forty-five* [Murder most unladylike, 2014: 53].

Изображение жертвы в текстах детского детектива сводится к минимальному представлению сведений о его/ее личностных характеристиках. Фокус смещается на причины, по которым люди стали жертвами преступников. В том случае, когда сюжет строится вокруг убийства, в русскоязычном детском детективе авторы обращаются к стилю милицейского протокола, избегая детального описания трупа:

Сказали, что сегодня утром на Тверском бульваре **обнаружен труп неизвестной женщины! На скамейке! При ней не было никаких документов** [Секрет драгоценного мусора, 2013: 101-102].

В англоязычном дискурсе изображение убитого варьируется от схематичного положения тела до сверхточных описаний трупа:

Somehow, that's what forces a choked sob from my throat, even before my eyes finally take in the rest: Mr. Solomon lying still, his neck bent at a horribly unnatural angle, and his head resting in a puddle of dark red blood [Nothing more to tell, 2022: 173].

В отличие от субфрейма «Method of committing the crime», который не имеет дальнейших субординатных элементов и реконструкция преступления воспроизводится при помощи акциональных глаголов со значением однократного действия, либо описывающих резкие движения с целью воздействия на кого-либо (*rushed, undid, attacking, whipping, pulling, poking, grab* и др.), в состав субфрейма «Способ совершения преступления» входит два слота: «Разъяснение взрослого/ сотрудника милиции» и «Разъяснение юного сыщика». Для первого слота характерно употребление профессиональной лексики сотрудников милиции, для второго слота – использование частиц и междометий, а также эмоциональная окраска речи:

– *Ростислав Иванович, нам удалось узнать, что вашу родственницу регулярно обкрадывали, пользуясь ее старостью и слепотой. А мы... мы случайно кое-что выяснили... ну, одним словом, мы не любим, когда грабят слепых старух... И вот... – Стас взял сумку Хованского. – Мы смогли найти эти вещи и возвращаем их вам* [Секрет драгоценного мусора, 2013: 184-185].

Фреймы «Расследование» и «Investigation» также представляют собой многокомпонентную структуру. Входящие в их состав субфреймы являются идентичными и, в свою очередь, состоят из тождественных слотов. Исключением является выделение слота «Вещественные улики» в отечественных детских детективах и «Unusual patterns» – в зарубежных произведениях.

В субфреймах «Подозреваемые» и «Suspects» выделяется два равнозначных слота – «Преступники/ Criminals» и «Невиновные/ The Innocent». Однако их лексическое наполнение несколько различается. В детективах на русском языке описание персонажей, репрезентирующие слот «Преступники» фокусируется на негативных качествах и складывается на протяжении всего произведения, а также особое внимание уделяется взгляду преступника:

Слесарь из их домоуправления спешил за каким-то бородатым мужчиной. Тот был в надвинутой на лоб кепке, в кожаной куртке, с большой спортивной сумкой в руках. Будь его борода черной, он запросто бы сошел за какого-то чеченского боевика. Но она у него была какой-то неопрятно-серой. Да и сам он был каким-то неопрятным, каким-то скользким типом. Мужчина мельком взглянул на Ромку острыми холодными глазами и еще быстрее зашагал вперед [Дело о разбитом бинокле, 2001: 33].

В англоязычных произведениях при описании персонажей, репрезентирующих слот «Criminals» наряду с лексемами, обладающими негативной коннотацией, используются лексические единицы с нейтральным или положительным значением, либо отмечается полное отсутствие отрицательных характеристик, что вызвано стремлением автора сохранить интригу о личности преступника:

*I felt very grateful that Stephen was **not a cross person**. He was **short and stocky, with smooth reddish hair**, and he seemed **gentle and slightly sad** [Arsenic for tea, 2015: 12].*

Субфрейм «Улики» и аналогичный ему субфрейм «Clues» формируется посредством представления в детских детективах различных зашифрованных сообщений. Слот «Зашифрованные сообщения» представлен загадками со знакомым читателю контекстом (например, зашифрован адрес дома в его стандартном представлении – название улицы/проспекта/бульвара, номер дома и квартиры), в свою очередь слот «Cryptic messages» – это, как правило, шифры, для декодирования которых необходимо найти общий паттерн.

При анализе фреймовых элементов «Осмотр места преступления» и «Crime scene examination», а также «Слежка» и «Chasing» был установлен высокий уровень схожести при их реализации. Первая пара субфреймов связана, прежде всего, с детальным описанием интерьера места действия:

*Они зашли в большую светлую комнату. Ромка здесь уже бывал, но теперь пригляделся повнимательнее. **Круглый стол, кресла, красивая мебель. В углу стоял большой сейф, покрытый светлой блестящей краской, на нем – ваза с какими-то красными цветами** [Дело о великом маге, 2004: 112].*

*The basement itself is ordinary enough – **concrete floor and ceiling, with three walls also made of concrete. The fourth wall, facing me, is made of brick and looks older. There are several sets of metal shelves against the walls, stacked with a variety of cleaning products – sponges and mops, buckets and basins, bottles of bleach and disinfectant. There's only one other object in the room, over in the far corner. It's as big as a bear, and so blackened with age it takes me a minute to work out what it is – a boiler, old and long retired. It was probably left here because it was too much trouble to dismantle it and lug it up the narrow stairs. The squatting lump of metal is***

knuckled with rivets and valves. There are several water pipes leading up from it, but these have been chopped off, and now stop short of the ceiling [Agatha Oddly: Murder at the Museum, 2019: 28].

Вторая пара субфреймов демонстрирует симметричность, благодаря использованию широкого спектра глаголов движения, а также лексических единиц, номинирующих объекты пространственной среды:

*...а затем медленно **поплелся** позади девушек. Они **направились** к метро. На станции «Баррикадная» Ирка с печальной Юлькой **пошли** к переходу на кольцевую линию, а Светка осталась **стоять** на радиальной. Проехав всего одну остановку, она **вышла** на «Пушкинской», **перешла** на «Чеховскую» и снова села в вагон. Народу в метро было много. Поэтому Ромка **шел** за ней **прямо по пятам**, точно так же, как и вчера, ничуть не опасаясь, что она заметит слезку* [Дело о разбитом бинокле, 2001: 133].

*At bunbreak, Miss Hopkins and Miss Lappet went to ground again in the mistresses' common room. Miss Parker, though, swept straight past and on down Library corridor. I **chased** her small figure in its jumper and brown skirt as she wove between groups of girls, and then **hung back**, just in time to see her climb the steps to The One's **cubby** door, knock on it and step inside* [Murder most unladylike, 2014: 134-135].

Несмотря на то, что концепт «РАЗОБЛАЧЕНИЕ/ EXPOSURE» представлен вариативно уже на уровне приядерных элементов – выделяются специфические субфреймы «Обращение за помощь ко взрослым» и «Arrival of the police» – при репрезентации кульминационного субфрейма «Раскрытие личности преступника» и аналогичного ему «The criminal's identity exposure» реализуется следующая схема, которая представлена довольно стереотипно: по воле случая юные детективы узнают о каком-либо факте, позволяющем определить того, кто совершил преступление. Внезапность разгадки имплицитно создается лексическими единицами, создающими когнитивный контекст, типичный для неожиданных ситуаций: охрипший из-за волнения голос, изумленный взгляд, состояние растерянности, волнение. На уровне синтаксиса кульминация как вершина сюжетной напряженности передается использованием восклицательных предложений.

*Сначала Лешка подумала об этом просто так, мельком, а потом **вдруг оторопела от произшедшей ее страшной догадки**: если Святослав Петрович был фокусником, то ему ничего не стоило незаметно подбросить пластиковую карточку в вещи Руслана <...> Ромка **соображал еще быстрее** своей сестры. Ему сразу стало понятно, кто украл у Евгения Михайловича деньги и подставил Руслана. – Лешка, это меняет все дело! – **взволнованно проговорил он*** [Дело о великом маге, 2004: 171-172].

*I do know who the letter-writer is. **Everyone gaped at Fatty**. Even the Inspector sat up straight at once. As for Mr. Goon, **his mouth fell open and he goggled at Fatty in disbelief**. Who is it? – he said. – Mrs. Hilton – may I ring the bell? – said Fatty. She nodded. He went over to the wall and rang the bell hard. Everyone waited <...> He turned to the Inspector. This is the anonymous letterwriter; – he said. – Mrs Moon!* [The mystery of the spiteful letters, 2016: 214-215].

Общим слотом субфреймов «Мотив преступления» и «Motive for the crime» является слот «Деньги/ Money», который выделяется в произведениях, где юные сыщики расследуют кражи, ограбления и другие преступления имущественного характера. Языковые единицы, формирующие данный слот, связаны с различными материальными ценностями и их приобретением/продажей:

– *Мы проверили счета Демидовой. Она несколько раз получала деньги от Шварца. Скорее всего, он подставное лицо, а Демидова через него организовывала торговлю поддельными картинами. Самое главное, ее недавно разорили другие жулики, банковские. Ее «Мерседес», вилла, драгоценности – все должно было уйти за долги. Как только мы это узнали, стало ясно, почему они с Гогой сами взялись за аферу с картинами Ремизова [Блин – охотник за ворами, 2002: 169].*

– *He’s a very fine racehorse, – he said. – And he’s been dyed with some kind of brown stuff, as you can see. I expect those fellows meant to sell him and race him under another name [The Secret Seven, 2013: 108].*

В русскоязычном дискурсе также выделяется слот «Зависть», когда ведущим смыслом выступает одноименная эмоция:

Любым способом, любым путем, но он решил оставить свой след в истории человечества. Он стал завидовать всем более удачливым и более талантливым коллегам [Тайна старинного парка, 2001: 182].

Для англоязычных произведений характерна большая разнородность в части причин совершения преступления, вследствие чего, помимо слота «Money», были выделены слоты «To hide a personal secret» и «Revenge». В отрывке, взятом из произведения «Murder most unladylike», директор пансиона для девочек столкнула с балкона учительницу Мисс Белл, которая узнала о ее скандальной связи и наличии внебрачного ребенка. Автор воссоздает ситуацию таким образом, чтобы достичь ее полного понимания реципиентом. С этой целью были использованы следующие лексико-стилистические средства: эпитеты, цель которых противопоставить безупречную репутацию Мисс Гриффин (*the great Miss Griffin*) и ее связь вне брака (*a shameful affair*), а также гиперболы, синтаксически усиленные восклицанием (*She’d have lost everything; It was not the sort of thing that respectable schoolteachers did!*):

– *Fancy! – said Daisy gleefully. – I’d say that was a motive for murder, all right. It looks like Miss Bell got greedy and wanted to force Miss Griffin out of Deepdean altogether. She’d have lost everything! Oh, if the school only knew! – I was glowing pink with shock. I could barely take it in. Miss Griffin, **the great Miss Griffin**, had been involved in a **shameful affair**, and, as a result of this, had a baby. It was not the sort of thing that respectable schoolteachers did! [Murder most unladylike, 2014: 273].*

Ассоциативный ряд номинирующей следующий слот лексемы «revenge» (Ср.: *revenge – something you do in order to punish someone who has harmed or offended you [Longman Dictionary of Contemporary English, 2005: 1409]*) безусловно знаком и понятен читателю:

– *We've got a piece of evidence from Mr. Curtis himself – a notebook that shows that he tricked Stephen's parents and stole all their nice things and his father's watch. That's why Mr. Bampton killed himself, and that's why Stephen killed Mr. Curtis, to get his revenge* [Arsenic for tea, 2015: 300].

Несмотря на тщательное сокрытие своей детективной деятельности и самостоятельное ведение расследования до его логического завершения (обнаружение преступника), в финале произведения юные детективы приходят к моменту, когда им становится необходима помощь взрослых, чаще всего сотрудников правоохранительных органов. Однако, в русскоязычном сегменте детских детективов юные сыщики сами принимают решение обратиться к взрослым, либо к представителям правоохранительных органов ввиду невозможности действовать дальше самостоятельно, в то время как в англоязычных повестях появление полицейских происходит, как правило, неожиданно для детей.

Just then Bets heard shouts of excitement coming from the other side of the field and looked out to see what was causing them. – I say! – she said. – I do believe it's the Chief arriving – with two of his men [The mystery of the missing man, 2016: 219-220].

Общей тенденцией для исследуемого субфрейма русскоязычных детских детективов является репрезентация смены переживаемого состояния героев – осознание безвыходности положения, затем предложение обратиться в милицию и принятие этого решения. К текстовым компонентам, вербализующим выделенные этапы, относятся следующие лексические единицы, выражения и синтаксические конструкции: риторический вопрос «Что делать?» как признание безнадежности ситуации, далее следует фаза сомнения, которая имплицитно выражается посредством лексем и фразовых сочетаний с семантикой размышления, затем внезапность нахождения выхода из сложившейся ситуации передается восклицательными предложениями и лексическими единицами со значением изумления:

– *А теперь главный вопрос, – подытожил Луна. – Что нам со всем этим делать? Остальные молчали. – Сложный вопрос, – первым нарушил тишину Герасим. – И так плохо. И эдак. – Вот именно, – продолжал Павел. – Но делать-то что-нибудь надо. – Кажется, братцы, я с дачи вернулась вовремя, – неожиданно начала Варвара. – У меня есть идея! – Какая? – уставились на нее остальные* [Загадка бордового портфеля, 1999: 176-179].

Слоты «Признание заслуг сыщика» и «Recognition of the merits» малоформатны, но в то же время являются значимыми компонентами исследуемых фреймов. Их языковое наполнение схоже и представляет собой лексемы, относящиеся к тематическим полям «Похвала» и «Благодарность»:

– *Поэтому майор Василенко просил передать вам особую благодарность, – дослушав Олега, сказал Андрей Станиславович. – И мать моя вам благодарна, – добавила Школьникова. – А уж председатель...* [Загадка серебряного медальона, 2000: 235].

– *Good-bye, children – and thanks for your help once more. I must say I'm pleased with the Five Find-Outers and Dog!* [The mystery of the spiteful letters, 2016: 227].

Типологически отмеченный концепт детского детектива «РЕБЕНОК-СЫЩИК»/ «CHILD DETECTIVE» представляет собой наиболее детализированную сеть субординатных элементов. Формируемый на протяжении всего произведения, данный концепт состоит из двух субфреймов, находящихся на максимальном отдалении друг от друга в традиционной картине мира и представляющих собой прямые номинанты составного концепта – субфрейм «Ребенок»/ «Child» и субфрейм «Сыщик»/ «Detective». Каждый из обозначенных субфреймов в свою очередь включают в себя ряд терминальных слотов: к первому относятся такие слоты как «Внешность»/ «Appearance», «Возраст»/ «Age», «Семья»/ «Family», «Школа»/ «School», «Романтические взаимоотношения»/ «Romantic relationship», а также в отечественных произведениях выделяется слот «Дружба». Второй субфрейм состоит из слотов «Личностные качества»/ «Personal traits», «Игра»/ «Game», «Детективная деятельность»/ «Detective work».

К общим признакам слотов «Внешность» и «Appearance» можно отнести тот факт, что портретные описания героев, действующих группой, представлены в сжатой форме, в то время как описания героев, действующих в одиночку, более детальны и информативны.

Если же ребенок ведет расследование самостоятельно, то при его описании авторы используют лексику, эксплицирующую всю гротескность ситуации, когда взрослым преступникам противостоит маленький ребенок:

Вдобавок ко всему Филя, что называется, не вышел ростом. А если говорить правду, он был совсем маленький... Просто как пятиклассник какой-нибудь или как девчонка! [Следствие ведет Простофиля, 2001: 20].

Ruby was a petite girl, small for her years – at first glance a very ordinary-looking kid <...> And when she smiled she revealed small doll-like teeth, which somehow made it impossible to consider her anything other than a cute kid [Ruby Redfort. Look into my eyes, 2011, 8].

Возраст героев на протяжении всего произведения выдвигается авторами в фокус читательского внимания, поскольку очевидна его важность как жанрообразующей бинарной оппозиции – юный сыщик и взрослый преступник. Возрастной параметр объективируется за счет цифрового обозначения, а также при помощи лексем с общим значением «Ребенок/ Child»:

– *Не забывай, Гриша, мальчику еще четырнадцать лет. – Уже четырнадцать лет, - поправил жену Молодцов. – Пора взрослеть* [Ловушка для Буратино, 2000: 12].

– *Really, Byron – it took you two attempts to restrain her? She's a thirteen-year-old girl, for heaven's sake* [Agatha Oddly: Murder at the Museum, 2019: 197].

Также и для русскоязычных, и для англоязычных произведений характерно использование сниженной лексики, коллоквиализмов и вульгаризмов, для указания возраста героев, когда о них говорят антагонисты:

– *Опаснее малолеток никого нет! Самый поганый народ! Поубивал бы их всех!* – *Но-но! Клопик, не горячись. А уж коли ты так замандражировал, то мой тебе совет: поймай девку и попытай хорошенько! Припугни как следует, она и расколется* [В поисках сокровищ, 1997: 174].

– *You brat!* – *Steven Pickle slammed his hand on the table. – This is outrageous. I'll sue you for slander, you little maggot!* [The Highland Falcon thief, 2020: 243].

Несмотря на то, что ребенок не может существовать в этом мире отдельно от взрослых, наличие семьи так или иначе обозначается в детском детективе, но происходит это ограниченно, поскольку семья служит «помехой» для детективной деятельности сыщиков. Слоты «Семья» и «Family» демонстрируют описание ситуации, когда родители постоянно заняты на работе (*родители Олега с утра пропадали в собственной фирме и возвращались не раньше семи вечера*), либо сводятся к кратковременным беседам с родителями:

– *Bets, remember to make your bed and dust your room before you go out. And please don't forget that dinner is at one o'clock sharp* [The mystery of the missing man, 2016: 2].

Представление школы и учебного процесса происходит вариативно. Среди детективов на русском языке описания школьной жизни предстают в качестве «вставных комических микроновелл» (Панова, Тюменцева, 2014) и довольно многогранно – изображается администрация школы, учителя юных сыщиков, их одноклассники. В зарубежных же детективах школа чаще представлена как помеха для расследования.

Субфреймы «Сыщик» и «Detective» достаточно однородны по лексическому наполнению и, как следствие, по наименованию выделяемых слотов. В слоте «Игра/ Game» в качестве общего признака выделяется подражание профессиональным сыщикам и имитация их деятельности (*план расследований и любые детали разрабатываются коллегиально, исключить его из числа подозреваемых, what proper detectives do – add up the evidence first* и т.д.) и связанное с этим широкое использование имен известных детективов (*настоящий Холмс, Sherlock Holmes, Hercule Poirot* и др.). Создание секретного детективного сообщества с необходимой атрибутикой и штабом обуславливает использование лексики с семантикой таинственности:

– *Что должно быть у тайного общества? Название, – принялся загибать он пальцы. – Устав. Ритуал посвящения. – Штаб-квартира! – добавила Машка. – Тайные ключики и тайные знаки, – подхватила Настя* [Тайна пропавшего академика, 2000: 28].

Janet read what Peter had written: 'IMPORTANT. A meeting of the Secret Seven will be held tomorrow morning in the shed at the bottom of our garden at 10 o'clock. Please give PASSWORD [The Secret Seven, 2013: 11].

В заключении обобщаются итоги проведенного исследования.

При сопоставительном анализе определено, что на уровне приядерных элементов – субфреймов концепты имеют практически схожую структуру. Сходство когнитивных моделей свидетельствует об универсальности лексического, и, как следствие смыслового содержания детективных текстов в

детской литературе. Среди периферийных элементов концептов – слотов – также наблюдается определенная тождественность, но и их вариативность выше, чем на уровне субфреймов. Различие в экспликации может быть объяснено национально-культурной спецификой, отражающейся в каждом языке, а также сложившимися литературными традициями.

Настоящее диссертационное исследование представляет собой начальный этап изучения детективного жанра в детской литературе в отечественном языкознании. Данный тип текста, рассчитанный прежде всего на подростковую читательскую аудиторию, имеет структурно-содержательные особенности, которые представляют собой сочетание принципов классического детектива и тех элементов, которые понятны, интересны и актуальны для детей такого возраста. Во-первых, обращение авторов к различным видам преступлений – от краж и мошенничества до убийства и терроризма. Во-вторых, линия расследования, включающая в себя и приключения, и игру, и рациональные методы разгадывания тайны, а также наличие потенциальной опасности для юных сыщиков, что заставляет ребенка-читателя волноваться и сопереживать ребенку-детективу, тем самым поддерживая его вовлеченность в процесс поиска преступника. В-третьих, унаследованное от классического детектива опережение «казенного сыщика» (Шкловский, 1929) в представлении верной разгадки преступления и разоблачении настоящего преступника. Главный герой – юный сыщик – был впервые рассмотрен в качестве многогранного концепта и представлен в виде фреймовой модели. В настоящей работе была предпринята попытка отразить две диаметрально противоположные сущности данного персонажа: с одной стороны – обычный ребенок подросткового возраста, имеющий семью и являющийся учеником средней школы, с другой – расследующий преступление сыщик, который кропотливо собирает разрозненные кусочки информации воедино, сопоставляет их и приходит к логическим умозаключениям.

В процессе работы нами были отмечены перспективные направления, которые могут быть положены в основу дальнейших текстотипологических исследований. Так, целесообразным видится представление концептосферы детского детектива в виде динамичного сценария, где соположенность элементов продиктована их темпоральными связями. Это позволит выделить наиболее устойчивую композиционную структуру таких текстов. Изучение детского детектива в диахроническом аспекте (например, на материале произведений на английском языке) продемонстрирует сходства и различия экспликации инвариантных концептов на разных этапах развития жанра. При отдельном изучении концепта «РЕБЕНОК-СЫЩИК» как лингвокультурного типажа фокус исследования будет смещен на образную и ценностную составляющую данного концепта, что даст возможность отразить универсальные и национально-специфические особенности ребенка-детектива.

I. Статьи в изданиях, рекомендованных ВАК РФ для публикации основных положений кандидатской диссертации

1. Ворончихина И. А. Типология сигналов адресованности в текстах детского детектива (на материале англоязычных и русскоязычных произведений) / И. А. Ворончихина // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2022. – Т. 15, № 1. – С. 146-153.

2. Ворончихина И. А. Фрейм "Преступление" в произведениях детективного жанра для детей / И. А. Ворончихина // Когнитивные исследования языка. – 2022. – № 4(51). – С. 468-472.

3. Ворончихина И. А., Чемодурова З. М. Языковая репрезентация слота «Игра» в концептосфере детского детектива / И. А. Ворончихина, З. М. Чемодурова // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. – 2023. – № 207. – С. 209-216.

4. Ворончихина И. А. Слот «Возраст» во фреймовой структуре детского детектива и способы его текстовой реализации / И. А. Ворончихина // Казанская наука. – 2025. – № 9. – С. 442-446.

II. Публикации в других научных изданиях

5. Ворончихина И. А. Сравнительно-сопоставительный анализ репрезентации концепта «РЕБЕНОК-СЫЩИК» в англоязычном и русскоязычном детском детективе / И. А. Ворончихина // Язык и культура в эпоху глобализации : Сборник научных статей по материалам Первой всероссийской (национальной) научной конференции с международным участием, Санкт-Петербург, 30–31 октября 2020 года / Под редакцией И.В. Кононовой. Том Выпуск 1. – СПб: Санкт-Петербургский гос. экон. ун-т, 2020. – С. 41-45.

6. Ворончихина И. А. Детский детектив: становление жанра и основные характеристики / И. А. Ворончихина // Герценовские чтения. Иностранные языки: сб. научных тр. – СПб: РГПУ им. А. И. Герцена, 2020. – С. 359-361.

7. Ворончихина И. А. Сигналы адресованности в аннотации к детскому детективу / И. А. Ворончихина // LXXV Герценовские чтения. Иностранные языки: сб. научных статей междунар. науч. конфер, Санкт-Петербург, 14–15 апреля 2022 года. – СПб: РГПУ им. А. И. Герцена, 2022. – С. 272-275.

8. Ворончихина И. А. "Девочка-детектив" как один из объективаторов концепта "РЕБЕНОК-СЫЩИК" / И. А. Ворончихина // LXXVI Герценовские чтения. Иностранные языки: сб. научных статей междунар. науч. конфер., Санкт-Петербург, 13–14 апреля 2023 года. – СПб: РГПУ им. А. И. Герцена, 2023.

С

.

1

5

4

-

1

6

1

21